

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы глобализации современной социально-культурной коммуникации. Анализируются механизмы сохранения национально-культурной идентичности в условиях трансформации коммуникационного пространства человека и общества. В качестве оснований национально-культурной самоидентификации рассматривается опыт философской реконструкции духовно-культурного наследия нации.

Обращается внимание на трансформацию оснований национально-культурной самоидентификации в условиях постиндустриального информационного общества с присущими ему новыми технологиями социальной коммуникации. Современные информационно-коммуникационные технологии рассматриваются, с одной стороны, как фактор глобализации, а с другой – как механизм экстраполяции культурных ценностей за пределы их национально-локального значения, что может восприниматься сдерживающим фактором отрицательного воздействия глобализации на национально-культурное развитие.

Новая коммуникационно-технологическая картина мира требует выработки новой стратегии социализации человека, сопряженной с поиском нетрадиционных

форм образовательно-воспитательной, духовно-культурной и общественно-созидательной практики.

Введение

Характерной особенностью современного общества выступает интенсификация социальных отношений и взаимодействий, все чаще связываемых с понятием технологизирующейся и глобализирующейся коммуникации. Современный мир вне категории взаимодействия – это мир без будущего, мир обреченный, мягко говоря, на неуспех в условиях усиливающихся природных и техногенных катастроф, истощения природных ресурсов, различного рода болезней, социально-экономического и культурного неравенства. Осознание этих обстоятельств, с одной стороны, а с другой – развитие не имевших аналогов технологий коммуникации делают современное социальное взаимодействие интенсивным и глобальным, нивелирующим традиционные представления о пространстве и времени.

Естественно, современные процессы социальных трансформаций имеют достаточно сложную структуру, и их коммуникационная сущность едва ли может быть очерчена границами той или иной теории. Сегодня коммуникация в различных ее формах и типах сама выступает характеристикой социального развития, воплощая в себе его нравственные, социально-экономические, научно-мировоззренческие, технологические, культурологические и другие важнейшие особенности. В этом смысле можно согласиться с позицией Н. Лумана, полагающего, что общество, или точнее говоря, социум, по существу, и есть социальная коммуникация, то есть любые социальные системы, как считает немецкий социолог, образуются исключительно благодаря коммуникации и в силу необходимости селективного согласования информации [1].

Постиндустриальный социум тем более являет собой коммуникационную модель социальной организации, поскольку речь идет об активизации так называемого третичного сектора общественно-экономической деятельности (сферы услуг, сервисной экономики как доминирующей области социальной активности и взаимодействия) и четвертичного – информационного, который напрямую стимулирует исключительно коммуникационную активность. Кроме этого, следует указать на изменение общей схемы социальных связей и отношений постиндустриального мира путем перехода в их организации от преимущественно иерархической структуры к преимущественно горизонтально-сетевой, также усиливающей значение коммуникационных принципов. При этом трансформируются не только коммуникационные основы организации общества, но и сами формы и типы социальной коммуникации, что в целом обнаруживает тенденцию трансформации основополагающих принципов бытия человека, взаимодействия культур, формирования мировоззренческих ориентаций и жизненных смыслов. В итоге трансформируются коммуникационные основы личностной и духовно-культурной идентичности в глобализирующемся мире, о чем, преимущественно, и пойдет речь ниже.

Философские основания национально-культурной идентичности

Структура оснований национально-культурной идентичности может быть рассмотрена с самых разных позиций. Обратим внимание на философское наследие и философию в целом как духовную основу самоидентификации нации. Тем самым мы указываем на существование одного из принципов национально-

культурной идентификации, заключающегося в обязательном следовании оценке и реконструкции философского опыта, накопленного в национальной культуре. Философия ценна не только, и, может быть, даже не столько результатом, сколько способом постижения мира, имеющим неповторимую спецификацию как на личностном уровне, так и на уровне общественного сознания. Данная спецификация обусловлена индивидуальными особенностями мышления человека, конкретно-историческими рамками философской рефлексии, причинами вовлечения в эту рефлекссию тех или иных проблем и объектов, методологическими нормами интерпретации этих проблем, включенностью философских посылок и следствий в общий контекст духовно-культурной и социальной практики. Примером такой философской спецификации может рассматриваться творческая переработка отечественными мыслителями аристотелевского наследия, приведение его в соответствие с новой эпохой, актуальными социально-философскими и духовно-культурными задачами. Все это и позволило включить аристотелизм в разряд характерных феноменов философской культуры Беларуси X – XVIII вв. [2, с. 123-137].

Или другой пример – период первого белорусского Возрождения (XVI – начало XVII в.), который олицетворяют такие представители отечественной гуманистической культуры, как Ф. Скорина, А. Гусовский, В. Тяпинский, С. Будный, Л. Сапега, А. Волан, М. Смотрицкий и др. В течение этого периода сформировались важнейшие ценности и идеалы, составляющие основу современной духовности и национального самосознания белорусского народа. Среди них: единство общечеловеческого и национального, ренессансно-гуманистическая концепция человека, пронизанная идеей духовной свободы, верховенства закона, представительной системы власти; культурно-религиозное согласие, достижение взаимопонимания между Востоком и Западом; толерантность как одна из исторически обусловленных ментальностей культуры Беларуси; этическая доминанта философской мысли; идея развития духовной культуры на национальной, белорусской языковой основе, неприятие в духовной жизни, национально-культурной политике принуждения и насилия [2, с. 93-94].

Могут ли эти идеалы и ценности рассматриваться в качестве системообразующих признаков идентификации белорусской нации? Ответ напрашивается, скорее, положительный, несмотря на то, что многие из них имеют универсальный характер и могут быть приложимы к ряду других национально-культурных эпох и общностей. В своей интегрально-смысловой определенности, в конкретном преломлении в общественно-политической и культурной жизни и особенно в их оригинальной персонифицированной заданности данные идеалы и принципы в числе других, несомненно, выступают важнейшей основой белорусской идентичности.

Историко-философский контекст поиска и интерпретации принципов и идеалов национально-культурной идентификации, естественно, имеет свои условия и границы применимости. Многие из этих идеалов, как уже подчеркивалось, носят универсальный характер (идея свободы, верховенство закона, культурно-религиозное согласие), другие – национально-специфический характер (язык, ментальность), третьи – географическую природу, четвертые – исторически преходящий смысл.

Так, в отношении свойственного белорусам гуманистического принципа толерантности, уважительного отношения к другим взглядам, идеям, мировоззренческим позициям, конфессиям, культурам можно сказать, что этот принцип, берущий свое начало со времен Древней Руси и сохранивший значение до наших дней, является результатом геополитического положения (“дзсяцехваковага вагання” И. Абдиралович) белорусов между Востоком и Западом, “результатом

духовно-культурного синтеза взаимосвязи и взаимодействия этого региона с восточной и западной культурой” [2, с. 20].

Что же касается идеалов, имеющих исторически преходящее значение, то к таковым может быть отнесен, например, идеал меценатства, расцветший в Беларуси в эпоху Возрождения и, фактически, никак не проявляющийся в настоящее время. Знаменитой меценаткой была белорусская княгиня-монахиня Ефросинья Полоцкая, основавшая два монастыря, а при них скриптории (мастерские по переписке книг) и школы. Книгоиздательскую деятельность Ф. Скорины финансировали богатые виленские горожане – белорусы Богдан Онков и Якуб Бабич. На средства белорусских феодалов-меценатов основывались типографии и школы, издавались книги, комплектовались библиотеки. Крупным меценатом был Лев Сапега, канцлер ВКЛ, белорусский мыслитель, правовед. На свои средства он не только сформировал полк конных гусар для защиты родины, но и издал в 1588 г. “Статут Великого Княжества Литовского” – выдающийся памятник белорусской мысли [2, с. 26-31].

Меценатство – это признак высокого самосознания и гражданской зрелости не только отдельных людей и слоев населения, но и самого общества, в котором присутствует понимание роли и значения духовной культуры. К сожалению, данный принцип идентификации экстравертен для нынешнего этапа развития белорусской культуры.

Наиболее характерные принципы и результаты философской, общественно-политической и в целом духовно-культурной деятельности, несомненно, выступают “индикаторами” национальной идентичности, составляя лишь их часть наряду с другими возможными спецификациями – особенностями материальной культуры, социально-экономической практики, уклада жизни, быта и т.п.

В условиях глобализации коммуникационного пространства современного мира основания национально-культурной идентификации существенно трансформируются, особенно, те компоненты этих оснований, которые “оторваны” или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и традиций. В этом смысле историко-философская и в целом историко-культурная компонента оснований национальной идентичности является наиболее устойчивой, инвариантной по отношению к современным формам развития и ассимиляции массовой культуры. Такую же устойчивость демонстрируют и те типы индивидуального и общественного сознания, которые обращены к истокам национальной культуры, к продуцированию, в том числе и на этой основе, смыслов и артефактов деятельности, имеющих исключительную оригинальность и самобытность.

Глобально-коммуникативное “Я” и локальная идентичность

В рамках соотношения категорий глобальное – локальное принципы и идеалы национально-культурной идентификации имеют консервативно-локальное значение, конституируя таким образом защитную среду культурных ценностей конкретного национального государства, что неизбежно приводит к возникновению противоречий между ними и тенденциями универсализации и глобализации культуры. Возникновение противоречий свойственно также соотношению базисных принципов национально-культурной самоидентификации и ценностно-мировоззренческих ориентаций личности, трансформирующихся в процессе формирования, так называемого глобального “Я”.

В эпоху глобализации структура человеческой идентичности становится все более сложной. Факторы, задействованные в формировании и функционировании

нии человеческого “Я”, становятся значительно разнообразными. Человека, в принципе, трудно рассматривать в контексте только одного культурного влияния. Макрокультурная среда отличается рядом подсистем, которые в той или иной степени воздействуют на личность. Возьмем, к примеру, концепцию горизонтального измерения культурного пространства, выдвинутую Х. Гуллестропом (H. Gullestrap).

Восемь культурных сегментов, которые Гуллестроп [3, с. 25] называет горизонтальным измерением культуры, потому что они проявляются на одном уровне и одинаково важны для понимания той или иной культуры и социализации в ней человека. Вот эти культурные сегменты:

Как взаимодействуют люди и природа – технология.

Как распределяются продукты труда – экономические учреждения.

Как индивидуумы сосуществуют друг с другом – социальные институты.

Кто кого контролирует – политические институты.

Как знания, идеи, ценности распространяются среди индивидуумов и групп индивидуумов – язык и коммуникация в широком смысле слова.

Как отдельные индивидуумы и общность интегрируются, сосуществуют и развиваются – репродукция и социализация.

Как создается и сохраняется коллективная идентичность – идеология.

Как проявляется точка зрения на взаимосвязь между жизнью и смертью – религиозные институты.

Совсем недавно личностная идентичность носила преимущественно локальный характер: человек рождался, социализировался, работал, умирал в географически ограниченном пространстве, радиус которого, например, в Средние века не превышал 15 миль.

Отличительная особенность развития современной социальной коммуникации состоит в том, что человеческая идентичность не может быть сконфигурирована условиями и закономерностями функционирования отдельных социальных систем, локальных культур, внутренними особенностями формирования и реализации национально-государственных интересов, спецификой ментальных структур сознания и поведения, поскольку все это стало испытывать серьезное внешнее воздействие, приобретать черты зависимости и глобальности.

Исходя из вполне объяснимой презумпции поликультурной сложности, следует согласиться с тем, что культура в организационных контекстах является более сложной, многогранной, многообразной, противоречивой или внутренне парадоксальной, чем это следует из крайностей теории универсализации и глобализации. В этом смысле глобальное “Я” едва ли следует рассматривать как некую унифицированность, однородность, всеобщность. Даже члены той или иной национально-культурной общности вряд ли будут ограничиваться в своем составе одной какой-то культурой или субкультурой, потому что “люди принадлежат к разным полам, у них разная этническая история, они выполняют разные функции в семье, например, родителей или супругов, посещают разные спортивные клубы, живут в разных городах, учатся в разных университетах, где получают ученую степень, имеют разные профессии, работают в разных организациях, живут в разных географических регионах” [4, с. 15]. А это значит, что “Я-идентичность” поднимается над инвариантами локальной национально-культурной идентичности (конкретного государства или региона) и в своем позитивном проявлении транснационализируется (глобализируется) на поликультурной основе. В связи с этим особую значимость и деликатность приобретает уровень национально-государственных образований, потому что именно здесь сосредоточен

национальный, культурный, этнический, конфессиональный, наконец, социально-экономический интерес каждого конкретного народа и человека.

По вопросу о роли и судьбе национального государства в условиях глобализации высказываются самые разные мнения: от его абсолютизации до полной нивелировки его функций и возможностей. В обыденном сознании людей национальное государство предстает как универсальная форма организации общества, призванная создать все необходимые условия для жизни людей, защиты их прав, достоинств, деятельности. Еще совсем недавно государства представлялись как исключительные субъекты международных отношений и посредники в поиске и обеспечении сотрудничества для различных внутригосударственных субъектов. В условиях глобализации ситуация резко меняется. Можно сказать, ее сутью становится неподвластный государству процесс информационных, финансово-коммерческих, культурных и иных коммуникаций, лежащих в основе формирования новых надгосударственных общностей. По большому счету глобализация и есть надгосударственность, с чем и связываются ее противоречие и конфликтные восприятия.

Становление и развитие новых транснациональных надгосударственных общностей "создает угрозу, – пишет В.В. Соколов, – для одной из фундаментальных ценностей цивилизации – гражданского равенства, поскольку люди, вошедшие в мощные и организованные объединения, получают преимущества перед людьми, не включенными в такие объединения или принадлежащими к относительно слабым общностям. Поэтому представительство и защита интересов людей, не входящих в такие объединения, становится одной из важнейших функций государства... Отказ государства от исполнения этих функций вызовет выпадение огромных масс населения как из мирохозяйственной системы, так и из гражданских политических отношений" [5, с. 14]. Эту же мысль продолжает и Н.А. Симония, подчеркивая, что "национальное государство должно отстаивать интересы своей страны и регулировать ситуацию не против глобализации, а за более гладкую, более бесконфликтную интеграцию данного национального государства в эти глобальные процессы. Вот почему роль национального государства далее возрастает, чтобы плавно интегрировать свое общество в мировое" [6, с. 40]. В этом смысле оно (государство) и призвано выступать гарантом сохранения национальных, этнических, культурных, языковых и иных ценностей, а глобализация в таком случае не должна означать размывание рамок национально-культурной идентичности.

В социально-практическом отношении процессы противодействия глобализации обретают конкретные формы политических, экономических и духовно-культурных акций. Но каковы бы ни были эти акции, достойное и эффективное противостояние глобализации (как сохранение основ национально-культурной идентичности) может реализоваться только в плоскости проявления следующих двух групп активности: генерирования материальных и духовных инноваций (не исключая при этом значения существующих ценностей), во-первых, и создания технологий их экстраполяции за пределы сфер креативного и локального значения, во-вторых. Не случайно в состязательном технологическом развитии современных государств предпочтение отдается разработкам новых средств коммуникаций и техникам владения ими, поскольку речь идет не только о возможностях приобщения к другим культурам и ценностям, но и об экстраполяции собственного опыта, создающей предпосылки доминирования (превосходства) в соответствующих областях социальной деятельности.

Превосходство ряда современных государств неотделимо от их преимуществ в инновационно-технологической и информационно-коммуникативной сферах.

Именно по этим показателям они демонстрируют сегодня дух глобализационной экспансии, что связывается с восприятием глобализации как экспансии ценностей отдельных государств. Последнее обстоятельство также можно отнести к числу отрицательно воспринимаемых черт глобализации. Но противопоставить что-либо данной тенденции можно лишь в контексте осознания того, что глобализация – это своего рода конкуренция и состязательность, наводящие на мысль о качестве товаров, услуг, культуротворческого процесса в целом, демонстрирующих свои преимущества в глобализирующемся универсуме аналогичных явлений. Только таким образом можно сохранить оригинальность и самобытность материальной и духовной культуры. И это не самый трудный способ противостоять процессам глобализации и влиять на них. Трудности более серьезного характера связаны с неподвластностью обычным нормам социального регулирования чувственно-бессознательной сферы человека, расположенной к оценке различных феноменов по особым критериям психологического восприятия. В этом ряду наиболее серьезных факторов глобализации можно назвать массовую культуру, универсализирующую современный социум, особенно молодежную его среду по принципам приверженности моде, популярности, дестандартизации поведения, абстрактного самовыражения и т.п. Все это в конце концов приводит к унификации сознания, мышления и поведения человека, что не может не вступать в противоречие с идеалами и принципами национально-культурной самоидентификации и не вызывать отрицательной реакции со стороны образовательных и воспитательных институтов современного общества.

Заключение

Сознание человека является концентрированным выражением социально-практических и духовно-культурных ценностей определенной национально-территориальной среды обитания, выступает индикатором ее жизнеспособности и продолжателем в будущем. “Чистота” национально-культурного самосознания индивида определяется степенью естественности и подлинности связанного с ним социально-природного пространства. Опасность глобализации, особенно в ее глобально-информационном, постиндустриальном измерении, состоит в том, что человек постепенно утрачивает каналы непосредственной связи и коммуникации с естественным природным и социально-культурным пространством, которое медленно “растворяется” в супертехнологическом развитии современного общества, унифицируется под воздействием новых стандартов массовой культуры и стилей жизни. Это пространство приобретает черты непредсказуемой искусственности, оно символизируется и виртуализируется, обуславливая соответствующие состояния сознания отдельных людей (глобально-коммуникативного “Я”) и общества в целом. Поэтому важнейшая задача современной системы образования и культурно-воспитательной деятельности заключается в том, чтобы формировать у человека устойчивые ценностно-мировоззренческие структуры, отличающиеся относительной инвариантностью и выступающие нормативными критериями отбора и социализации информации в коммуникационных сетях глобального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Луман, Н.** Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
2. **Падокшын, С.А.** Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С.А. Падокшын. – Мн.: Бел. навука, 2003. – 316 с.

3. **Kuda, J.** Cultural Categories and Profiles International Business Economics / J. Kuda, H. Gullestrap // Working Paper Series. – No: 24. – 1997. – Aalborg.
4. **Sackman, J.A.** Cultural Complexity in Organization / J.A. Sackman // Inherent Contrasts and contradictions. Sage Publications, 1997.
5. **Соколов, В.В.** Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности / В.В.Соколов // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3.
6. **Симония, Н.А.** Глобализация и неравномерность мирового развития / Н.А. Симония // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3.

Поступила в редакцию 02.05.2008 г.